

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Олимпия де-Гужь.

Олимпии де-Гужь было 38 или, какъ говорили злые языки, 40 лѣтъ, когда голова ея скатилась подъ ножомъ гильотины. 2 ноября 1793 года пала жертвой ненависти Робеспьера эта противница воцарившагося террора и ея геройской борьбѣ за права женщинъ былъ положенъ предѣлъ.

Ея жизнь представляла собою нѣчто особенное, выдающееся. Несмотря на то, что она не умѣла ни читать, ни писать, она была авторомъ многихъ сочиненій! Эта слабая женщина внушала страхъ не одному мучинѣ; даже самъ Робеспьеръ отступалъ передъ ней. Жизнью она наслаждалась во всѣхъ отношеніяхъ, но всегда готова была съ радостью пожертвовать ею. Ея мысли не всегда были ясны, иногда даже противорѣчивы, и, однако, въ ея сочиненіяхъ встрѣчаются строго обдуманныя, полныя геніальности, мѣста, но, въ большинствѣ, выраженныя небрежнымъ слогомъ.

Во всемъ, что она предпринимала, видна была страсть; всѣ ея сужденія были порывисты, обнаруживали горячій темпераментъ, но всегда полны самоотверженія и сердечности. Она представляла собою какую-то смѣсь великаго со смѣшнымъ, достоинствъ съ недостатками. Свообразная во всѣхъ отношеніяхъ, она порвала связывающія женщинъ цѣпи и, движимая непреодолимою силою къ свободѣ, выступала ярою защитни-

цей равноправія женщинъ, какъ въ своихъ энергичныхъ брошюрахъ, такъ и въ страстныхъ рѣчахъ съ трибуны якобинскаго клуба. Олимпія де-Гужъ является первой политической ораторшей, о которой упоминаетъ исторія. Между борцами за равноправность половъ она была не первою, но самою мужественной изъ всѣхъ женщинъ время французской революціи. Ей первой принадлежитъ слава упорядоченія женскаго движенія, вслѣдствіе чего послѣднее приобрѣло себѣ видное мѣсто въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ общественной жизни.

Марія Олимпія де Гужъ родилась въ 1755 году, въ Монтбанѣ. Ея мать была модисткой или, по другимъ даннымъ, торговкой старыми платьями; отецъ ея былъ литераторомъ. Это утвержденіе Олимпіи де-Гужъ заслуживаетъ довѣрія, несмотря на то, что его настоящее имя такъ и осталось необнаруженнымъ. Утверждали даже, что она была дочерью Людовика XV. По этому поводу, въ своемъ „политическомъ завѣщаніи“, она приводитъ слѣдующее замѣчаніе: „Я дочь не короля, а человѣка, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ; я дочь одинаково знаменитаго, какъ по своимъ добродѣтелямъ, такъ и по литературнымъ дарованіямъ мужа. Онъ совершилъ въ своей жизни только одну ошибку; но она касается лишь одной меня и по этому поводу я ничего болѣе не скажу“.

Пятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за нѣкоего Обри, бывшаго прежде парижскаго ресторатора, нажившаго себѣ нѣкоторое состояніе и поселившагося затѣмъ въ Монтбанѣ, гдѣ онъ и увлекся красотой молоденькой Олимпіи. Шестнадцати лѣтъ она овдовѣла, будучи уже матерью одного мальчика. Ея мужъ оставилъ ей въ наслѣдство капиталъ около 60.000 франковъ. Во цвѣтъ лѣтъ, жизнерадостная и прелестная, полная всякихъ мечташій, она направилась, поды своимъ дѣвическимъ именемъ, въ Парижъ, рисовавшійся въ ея южномъ воображеніи какимъ-то сказочнымъ, волшебнымъ

городомъ. Ея пылкій темпераментъ вскорѣ же вовлекъ ее въ омутъ любви и она, съ своими романтическими наклонностями, стала душою всѣхъ эпикурейскихъ кружковъ.

Она стремилась прослыть Ниной XVIII столѣтія. Прекрасная Олимпія сполна предалась удовольствіямъ, съ такою же необузданной, кипучею страстью, съ какою впоследствии, уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, развилось въ ней чувство самопожертвованія, когда она увлеклась республиканскими идеями.

Но, въ промежуткѣ до послѣдняго увлеченія, послѣ демона любовной страсти и разнузданности нрава, овладѣлъ ею другой демонъ, благородный демонъ литературнаго творчества. Однимъ рѣзкимъ движеніемъ ума, она оттолкнулась отъ бессмысленнаго наслажденія жизнью, погружившись въ серьезныя размышленія. Несмотря на то, что она, какъ упомянуто выше, не умѣла ни читать, ни писать, она является авторомъ многочисленныхъ брошюръ, сочиненій по общественнымъ вопросамъ, театральныхъ пьесъ, романовъ и даже петицій, которые она диктовала своему секретарю. Въ одномъ изъ своихъ произведеній, она говоритъ: «Меня ничему не учили *); я росла въ мѣстности, гдѣ дурно гово-

*) Что касается народной грамотности вообще во Франціи къ концу XVIII столѣтія, то оно стояло на весьма низкой ступени. Не лишне будетъ привести здѣсь нѣсколько любопытныхъ строкъ о народномъ образованіи изъ „Великой Французской революціи“ Ф. А. Олара. „Народное просвѣщеніе плохо представляется и находится въ полномъ пренебреженіи; всѣ сознаютъ, насколько оно далеко отъ совершенства“. Университеты, очень малочисленные и, главное, плохо распределенные, до известной степени сохраняли варварскіе приемы преподаванія, процвѣтавшіе въ средніе вѣка, но совершенно утратили свою тогдашнюю дисциплину и блескъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ, на примѣръ, въ анжерскомъ, преподаваніе все еще велось на латинскомъ языкѣ. Занятія почти всюду сводились къ пустымъ формальностямъ. На юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ всякій безъ труда могъ купить ученое званіе.

рять по-французски, я даже не знаю основных правил языка: я ничего не знаю и даже горжусь своей необразованностью. Диктует моя душа, но не рассудок, и печать моих природных дарований лежит на всех произведениях!» Правда, последнее утверждение всеми признано. Но мы увидим, что эта женщина, судьба которой предназначала ее к деятельности во время сильных революционных потрясений, существование которой ознаменовалось сильными действиями и словами, которая, казалось, была создана для произведе-

Упадок коллежей становится в течение XVIII века все более заметным. Уничтожение иезуитского ордена образовало в преподавательском персонале пробел, который не был пополнен. Профессора большей частью получали ничтожное жалованье и были недостаточно обеспечены, чтобы жить и пользоваться уважением. Очень большая часть королевства вовсе была лишена органов первоначального образования. Даже в крупных городах многие дети не получали доступа к последнему. В Париже, из 800 двучек Сальпетриера, только 24 учились писать; чтению учились больше число, но крайне неудовлетворительно. Из 1300 детей воспитательного дома только 12 учились читать и писать. «У нас нет школ, наши дети коснеют во мраке невежества», говорят крестьяне Артуа, Шампани, парижского префектура и алансонского бальяжа. Там, где существовали школы, учителя часто были непригодны для своего дела и не отличались рвением. Дворянин Бовеи объясняет причину этого явления: «Они плохи, потому что им не платят. Для того, чтобы иметь возможность прокормиться, они должны были прибегать к средствам, несомкстимым с их званием: например, идя из дома в дом, просить милостыню, уменьшавшую и без того скудный достаток крестьянина». Протоколы и наказания, составленные в период созыва генеральных штатов, во многих случаях подписаны лишь половиною, четвертою или меньшею частью явившихся: «остальные не сумели». В 1790 году, многие члены учредительного собрания указывали на такие сельские общины, где не более двух человек умели читать. В Дофинэ можно было пройти восемь миль, не встретив ни одного «Консула», который умел бы подписаться.

К. Б.

дения политической бури, сумела подавить в себя свою душу, чтобы вложить ее в других героев великой драмы.

Без всякого иного пособия, кроме своего вдохновения, без предварительной подготовки и без всяких знаний, она сразу сдѣлалась писательницей. Ей казалось, что она приобретет славу сочинением драматических произведений.

Под влиянием наиболее интересных философских сочинений, характеризовавших потребности времени, она знакомилась больше всего с вопросом о рабстве негров. По той страсти, с которой, вообще, интересовались тогда этим общественным явлением, можно было предвидеть скорый переход к вопросу о рабском состоянии бѣлых. Олимпия де-Гужь сама говорит, как она пришла к мысли написать драму «Рабство негров»: «Изображение жестокостей, продѣлываемых этими безсердечными работниками, возбудило мое сострадание. Вызвать сострадание общества, расположить его благоприятным образом в пользу этой жертвы корыстолюбия — вот обязанность, которую я на себя возложила». Пьеса при чтении была единогласно одобрена, но сочинительнице ее предстояло не мало затруднений, чтобы добиться разрешения на представление. Она была поставлена в 1788 году, но прошла без успеха. Той же участи подверглись и другие произведения Олимпии де-Гужь, несмотря на одобрение их известными современными писателями.

Олимпия де-Гужь издала два романа: один в виде писем, под заглавием «Mémoires de madame de-Valmont», другой под заглавием «Le prince philosophe». Оба романа отличаются большою изобретательностью и фантазией, но написаны они без всякого соблюдения правильности стиля и переполнены грамматическими ошибками. В «Le prince philosophe» она воспользовалась одной восточной легендой для защиты прав ее

пола. Она высказывается о немъ какъ о самомъ разумномъ, но фантастическомъ и въ то же самое время наиболѣе нравственномъ романѣ когда-либо ею написанномъ.

«Несмотря на всѣ недостатки женскаго пола, я чувствую, что въ одинъ прекрасный день онъ возвысится до того, чтобы свергнуть съ себя иго постыднаго рабства. Готовится революція, которая возвыситъ умъ и души того и другого пола и оба они въ будущемъ соединятся для совмѣстной работы на общую пользу».

Литературная жизнь Олимпіи де-Гужъ была цѣпью изъ обидъ и тревоженій, съ рѣдкими проблесками признаковъ славы.

Но вотъ, передъ нею открывается болѣе широкое поле дѣятельности, о чемъ предоставимъ ей самой говорить: «Приближается время, когда національное собраніе обратитъ свое вниманіе на злоупотребленія и укажетъ людямъ на ихъ человѣческія права и достоинства. Патриотическій магнитъ притягиваетъ меня къ Версалю. Какія чудныя надежды для пылкой души гражданина! Я горю желаніемъ попасть на политическое поприще, чтобы совмѣстно осуществлять задачи народнаго блага. Я расстаюсь теперь со всѣми комитетами, цензорами, ролями, театральными пьесами, актерами и актрисами, гдѣ бы они ни находились, и всецѣло посвящаю себя работѣ на общественную пользу. Воспоминанія о всѣхъ моихъ десятилѣтнихъ мученіяхъ въ послѣдній разъ терзаютъ мое сердце».

Что же намѣревается дѣлать бѣдная женщина, потрясенная уже столькими житейскими превратностями, въ надвигающемся новомъ призракѣ борьбы? Она думала, что и женщины примутъ участіе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, такъ какъ были торжественно провозглашены принципы равенства передъ закономъ всѣхъ, безъ всякаго различія и ограниченія. Она говорила: «Я также буду бороться своими перомъ и рѣчами». Въ то время повсюду учреждались клубы и

политическіе союзы, гдѣ обсуждались наисложнѣйшіе государственные вопросы и принимались самыя неподходящія рѣшенія. И если они и не могли быть подтверждены въ законодательномъ порядкѣ, все же пріобрѣтали въ народѣ одинаковое значеніе съ правительственными распоряженіями. Такіе политическіе союзы быстро распространились по всей Франціи, такъ что нельзя было указать на какую-либо деревню или торговое мѣстечко, гдѣ бы не возникалъ одинъ изъ нихъ. Революционная пропаганда сильно способствовала учрежденію такихъ политическихъ кружковъ во всѣхъ противоположныхъ направленіяхъ государства.

Олимпія де-Гужъ видѣла все это и возымѣла мысль основать женскіе политическіе союзы. Она же первая вступила на импровизированную ею трибуну, и ея воодушевленіе, казалось, все болѣе возрастало и увлекало другихъ: «Опасность, въ которой находится отечество, увлекаетъ меня за собой, волнуетъ все мое существо. Я провозгласила, выступила впередъ, я, слабая женщина, и своимъ голосомъ заставила обратить на себя вниманіе, вопреки всякимъ предрассудкамъ».

Слушая, какъ она говорила тамъ или въ другихъ клубахъ, и даже въ національномъ собраніи, гдѣ ея рѣчи изливались пламеннымъ потокомъ, предсказывая освобожденіе рода человѣческаго, предлагала, поддерживала и развивала свои отважные проекты, при чемъ иногда въ искусствѣ говорить могла соперничать съ великими мастерами рѣчи,—можно было подумать, что она перерождалась, давая въ себѣ мѣсто совсѣмъ иной душѣ, нежели той, которая присуща вообще слабому полу, не пытавшемуся еще принимать участіе въ великой парламентской борьбѣ. Она, по увѣренію современниковъ, поражала богатствомъ своихъ идей и силою своей рѣчи. Даже національное собраніе съ удивленіемъ слушало эту блестящую ораторшу и неоднократно приводило въ исполненіе ея практическія предложенія.

Въ древнія времена не существовало политическихъ ораторшъ, и лишь на долю французской революціи досталось это чудо.

Необъяснимое шатаніе ея мыслей съ такою же быстротой отбрасывало ее назадъ, съ какою толкало ее впередъ. По временамъ ее охватывалъ священный трепетъ передъ трономъ и она снова проявляла признаки преданности королю.

Она сама добродушно рассказываетъ, что могла бы создать превосходныя вещи, если бы въ головѣ ея не бродили подчасъ несбыточныя мечты. Къ таковымъ можетъ быть причислено ея отношеніе къ Людовику XVI; то она была за него, то противъ него.

„Какую пользу приносятъ собранія? Кто тамъ ораторы? Какое впечатлѣніе производятъ они на народъ? Ему внушаютъ освобождаться отъ своихъ обязанностей, дѣлать все, что ему угодно, ницета же его возрастаетъ вмѣстѣ съ его праздноствіемъ“.

Въ другой разъ она умоляетъ о возвращеніи принцевъ, удаленіе которыхъ она считаетъ причиной смуты. Она говорила, что народу не слѣдуетъ съ раздраженіемъ обламывать вѣтви съ дерева монархіи, чтобы самому не быть сброшенному вмѣстѣ съ ними. Далѣе мы увидимъ еще, какъ часто она противорѣчитъ сама себѣ и мѣняетъ свои взгляды.

Когда Олимпію де-Гужъ увѣряли, что она могла бы имѣть больше вліянія, издавая газету, при чемъ имѣла бы хорошій денежный заработокъ, она возражала: «Что касается денегъ, то для меня это совершенно безразлично, несмотря на то, что мнѣ онѣ были бы, можетъ быть, нужны болѣе, чѣмъ кому-либо другому; если-бы я и рѣшилась издавать газету, то пользовалась бы только такою суммою, которая нужна на покрытіе расходовъ». Возбуждая вопросъ о названіи газеты, она говорила, что оно должно быть «Нетерпѣливый», единственно соотвѣтствующее характеру издательницы названіе!

Въ своей политической дѣятельности ей пришлось переносить всякаго рода обиды и огорченія, неразлучныхъ спутниковъ этого призванія. Иногда ее обвиняли въ преувеличенномъ, показномъ республиканствѣ, то находили, что она фанатическая роялистка. Нѣкоторые доходили до увѣренія, что она продала себя правительству. Это въ особенности дѣйствовало на нее оскорбительно и заставило даже воскликнуть: «Ахъ, лучшее доказательство, что я не барышничала своей дѣятельностью, это то, что я не только потеряла свой покой, свое здоровье и свои деньги, но что я должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ сердечныхъ влеченій, что для такой страстной души, какъ моя, имѣетъ гораздо большее значеніе. Но, что же дѣлать, я хочу все перепести, такъ какъ побудительная причина для такой жертвы благородна и прекрасна!»

Въ самомъ дѣлѣ, она была весьма непостоянна и сбивчива въ своихъ взглядахъ, не имѣла никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, она оставалась вѣрна жирондистамъ, какъ и большинство выдающихся женщинъ французской революціи. Она была дружна со многими жирондистами, боролась съ якобинцами и выражала надежду, что революція завершится безъ кровопролитія. Она всегда говорила: «За первой каплей крови послѣдуютъ цѣлые потоки ея». Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ называлъ Олимпію де-Гужъ «ангеломъ мира».

Человѣческимъ бѣдствіямъ она посвящала всю свою дѣятельность. Трогательно описывала она нищету въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Сенъ-Дени и занималась вопросомъ о причинахъ все возрастающаго народнаго обѣдненія и сопровождающаго его нищенства. Она требовала учрежденія общественныхъ вспомогательныхъ кассъ. Но скоро она нашла, что подаеніе милостыни унижительно и требовала учрежденія государственныхъ образцовыхъ мастерскихъ для безработныхъ, что и было

отчасти осуществлено. Въ своихъ «*Reflexions humaines et patriotiques*» она ярко изобразила бѣдствія народа. Брошюра всполошила дворъ и богачей, но вслѣдствіе этого весьма щедро потекли вспомоствованія ремесленникамъ. Въ свою очередь, доходъ отъ своихъ изданій она предложила въ фондъ для учрежденія государственныхъ мастерскихъ и очень гордилась успѣшнымъ осуществленіемъ своей мысли.

Олимпія де-Гужъ вовсе не желала развитія революціи въ томъ видѣ, какъ представляли ее себѣ патріоты, но ихъ конечныя цѣли были совершенно одинаковы. Она желала бы шествія по дорогѣ, усыпанной цвѣтами. Въ своей брошюрѣ «Права женщины», между прочимъ, она говоритъ: «Мущина, кто далъ тебѣ право угнетать нашъ полъ? Вглядиись, вмѣстѣ со мною, въ природу во всемъ ея объемѣ и укажи мнѣ, если ты осмѣлишься, на примѣръ самовольной власти, которую ты себѣ присваиваешь? Брось взглядъ на всю оживленную матерію, разспроси элементы, изучи растенія, испытай, прослѣди и доищись отношеній половъ въ обширномъ хозяйствѣ природы; вездѣ ты ихъ найдешь перемѣшанными, вездѣ они дѣйствуютъ въ совмѣстномъ единствѣ для созиданія произведеній искусства. Вы только-что уничтожили разныя привиллегіи, такъ уничтожьте и привиллегіи мужского пола передъ женскимъ. Народъ вступитъ во владѣніе своихъ правъ, негры будутъ освобождены, почему же не освободить также и женщинъ?»

„Женщина рождена свободной и по праву равна мужчинѣ. Цѣль всякаго законодательнаго сообщества есть охрана естественныхъ и неизмѣнныхъ правъ обоихъ половъ. Права эти суть: свобода, развитіе, безопасность и, въ особенности, сопротивленіе угнетенію. Законъ долженъ быть выраженіемъ всеобщей воли. Всѣ гражданки, наравнѣ со всѣми гражданами, лично или черезъ избираемыхъ ими представителей, должны принимать участіе въ его составленіи, при чемъ законъ долженъ

быть для всѣхъ одинаковымъ. Такъ какъ всѣ гражданки и граждане равны передъ закономъ, то ихъ, безъ различія пола, по сообразно съ ихъ способностями, слѣдуетъ допускать одинаково къ занятію почетныхъ должностей и мѣстъ въ общественныхъ учрежденіяхъ; кромѣ способностей и добродѣтелей ничто не должно быть принимаемо во вниманіе. Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ, ей должно быть предоставлено такое же право стоять и на трибунѣ. Права женщины должны служить всеобщему благу, а не только на пользу одного ея пола“.

„Женщина наравнѣ съ мужчиной платитъ государственные налоги, слѣдовательно, имѣетъ одинаковое право требовать у правительства и отчета въ нихъ. Недѣйствительна та конституція, въ созданіи которой не принимало участія большинство всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ природа. — Пробудите женъ вашихъ! — Сознательный голосъ разсудка уже раздается повсемѣстно. Факель истины разсвѣялъ облако невѣжества и гнета. Женщины, женщины! когда вы перестанете быть слѣпыми?“

„Объединяйтесь! Противопоставьте силу грубаго насилія силѣ разума и справедливости. И вы скоро увидите, что мужчины будутъ преклоняться передъ вами не какъ изнывающіе поклонники, но, гордые сознаниемъ возможности дѣлать съ вами вѣчныя права челоуѣчества, и пойдутъ съ вами рука объ руку“.

Въ іюлѣ 1789 года, Олимпія де-Гужъ была революціонеркой; 6 октября, когда она увидѣла короля въ Парижѣ арестованнымъ, она сдѣлалась роялисткой, а въ іюнѣ 1791 года, подъ вліяніемъ бѣгства и вѣроломства Людовика XVI, она стала республиканкой. Затѣмъ она опять склонилась на сторону короля, когда узнала о преданіи его суду и, руководствуясь исключительно состраданіемъ, ни одной минуты не думая объ угрожающей ей опасности, написала къ президенту національ-

наго Конвента письмо въ защиту обвиняемаго, изъ котораго мы приведемъ слѣдующее мѣсто: „Какъ короля, я считаю Людовика XVI виновнымъ; но, лишенный этого уже отвергнутаго титула, онъ, въ глазахъ республики, перестаетъ быть наказуемымъ. Его предшественники переполнили чашу страданій Франціи. Вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, чаша эта лопнула въ его рукахъ и всѣ осколки посыпались на его голову. Къ этому я могла бы еще добавить, что, еслибы не испорченность двора, онъ, быть можетъ, былъ бы добродѣтельнымъ королемъ. Достаточно упомянуть, что онъ презиралъ знатныхъ, умѣлъ принуждать ихъ платить свои долги и что онъ былъ единственный изъ нашихъ тирановъ, который не имѣлъ любовницъ и вель самый скромный образъ жизни».

„Онъ былъ слабъ, его обманывали; обманывая насъ, онъ обманывалъ самого себя, и вотъ, въ двухъ словахъ, весь его процессъ!“

Она требовала у національнаго Конвента и у самого Людовика XVI, чтобы ее допустили въ качествѣ его защитницы наравнѣ съ защитникомъ мужчиной. «Причемъ тутъ польза, когда душа требуетъ изліянія», думала она. Она требовала изгнанія, но не смерти короля. Въ заключеніе она писала: «недостаточно снять голову съ короля, чтобы умертвить его, какъ такъ и послѣ смерти своей онъ еще долго будетъ жить; но онъ, дѣйствительно, будетъ мертвымъ, если переживетъ свое паденіе».

Надъ ея политическою непослѣдовательностью много смѣялись; но она, въ своей южной запальчивости, вызывала на дуэль своихъ насмѣшниковъ.

Олимпія де-Гужъ, благодаря своимъ монархическимъ взглядамъ и нѣкоторымъ, полнымъ презрѣнія и самоувѣренности, рѣчамъ, навлекла на себя неудовольствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ горы. Она защищалась противъ нападокъ съ большою храбростью и до-

шла до такой безразсудной отваги, что напала даже на самого Робеспьера. Сначала она написала ему письмо, полное горькихъ упрековъ, отрицая въ немъ малѣйшую добродѣтель и дарованія и изображая приносимый имъ вредъ отечеству. Потомъ, считая это недостаточнымъ, она, въ тотъ же самый день, 5 ноября 1792 года, поручила развѣсить листки, въ которыхъ осыпала его новыми проклятіями. Она обвиняла его въ томъ, что онъ домогался умерщвленія Ролана, Петіона, Верньо и всѣхъ жирондистовъ, этихъ свѣточей республики и патриотизма, чтобы черезъ груды труповъ и по лѣстницѣ казней и коварства пробить себѣ дорогу къ высокому положенію.

„Невѣжественный и подлый заговорщикъ! Его скипетръ будетъ лилія страха передъ пыткой, а тронъ его—эшафотъ“. Въ заключеніе она бросаетъ ему вызовъ: „Назначь здѣсь день, часъ и мѣсто для дуэли; я приду туда!“

Съ этихъ поръ погибель Олимпіи де-Гужъ была рѣшена! Она сама говоритъ объ этомъ, въ посвященіи своихъ произведеній Филиппу Эгалитэ *): „Жизнь моя въ опасности; я обращаюсь къ тебѣ, чтобы ты взялъ ее подъ свою защиту. Ты вѣдь знаешь, что я не боюсь смерти; но я хочу умереть со славой, и если мнѣ это удастся, то въ мои послѣднія минуты я послужу еще отечеству“.

Однажды она сказала: „Я знаю, что своимъ языкомъ я возстановила противъ себя двѣ партіи враговъ: глупцовъ и невѣждъ. Но пожертвовать жизнью для меня ничего не значить. Когда рѣчь касается спасенія отечества, то меня, слабую женщину, не затрагиваютъ никакіе другіе интересы. Никакія соображенія не заставляютъ меня отказаться отъ изданія моихъ сочиненій.“

*) Прозвище, данное во время революціи герцогу Орлеанскому, Людовику-Іосифу-Филиппу.
К. Б.

Если они предназначаютъ меня къ смерти, то я попаду въ Пантеонъ!“ Она называла женщинъ „смирненными существами, цѣлыми столѣтіями томящимися подъ игомъ мужскихъ предразсудковъ“.

Не безынтересно привести здѣсь одно приключеніе, весьма удачно характеризующее Олимпію де-Гужъ. Однажды, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, она совершала загородную прогулку. На обратномъ пути она очень устала, но не могла найти ни одной кареты; въ это время какой-то незнакомецъ съ такою любезностью предложилъ ей мѣсто въ своемъ экипажѣ, что она приняла его предложеніе. Случаю угодно было сдѣлать ее предметомъ бесѣды другихъ ея спутниковъ. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что очень хорошо знаетъ мадамъ де-Гужъ, и, не подозрѣвая, что она такъ близко находилась отъ него, говорилъ:

— Эта женщина старается быть очень остроумной.

И, на вопросъ, дѣйствительно ли онъ ее хорошо знаетъ, говорившій отвѣтилъ:

— Еще бы! Ея мужъ былъ рестораторомъ, и ей не хотѣлось называться его именемъ. О происхожденіи ея никому ничего неизвѣстно. А что касается ея произведеній, то въ нихъ нѣтъ ни одной ея собственной мысли. Она даже не умѣетъ читать и все дѣлаютъ за нее другіе; стараются даже поддѣлывать ея грубый стиль, чтобы возбудить больше довѣрія къ тому, что это ея работы.

— Однако,—сказала мадамъ де-Гужъ,—мнѣ самой пришлось видѣть, какъ она, въ присутствіе нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сочиняла театральную пьесу; разъ я даже выиграла пари по этому поводу.

Любезный спутникъ не смутился отъ этого и сказалъ:

— Ахъ, милостивая государыня, пьеса была уже ранѣе готова и ее заставили только выучить ее наизусть.

Когда Олимпія де-Гужъ спросила, исполнилъ ли онъ въ этомъ увѣренъ, онъ возразилъ, что безусловно и готовъ держать пари. Не осмѣлится же она въ его присутствіе, на примѣръ, дерзко отрицать, что это именно онъ сочинилъ для нея пьесу.

— Впрочемъ,—говорилъ онъ,—ужь я-то ее хорошо знаю, такъ какъ принадлежу къ числу ея близкихъ поклонниковъ.

Мадамъ де-Гужъ не возражала, и только когда она подѣхала къ дому, покидая карету, сказала дерзкому хвастуну слѣдующее:

— Милостивый государь! вашу хвастливую болтовню я слушала со спокойствіемъ философа, воздержностью мушкетера и ухомъ наблюдателя; я и есть та самая женщина, Олимпія де-Гужъ, которую вы никогда не знали и узнать которую вы не въ состояніи. Совѣтую вамъ извлечь пользу изъ даннаго мною вами урока: мушкетеръ съ вашими достоинствами находить не трудно; но чтобы произвести на свѣтъ женщину, подобную мнѣ, требуются столѣтія.

Подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій, писала Олимпія де-Гужъ, 4 іюня 1793 года, свое „политическое завѣщаніе“, въ которомъ, между прочимъ, имѣется такое мѣсто: „О Провидѣніе! я обращаюсь къ Тебѣ, такъ какъ люди уже не въ состояніи понимать меня. Сократи дни мои. Мои глаза устали смотрѣть на людское неравенство, ихъ преступную кабалу и не могутъ выносить зрѣлища ихъ гнусности. — Если для того, чтобы привести въ исполненіе свою мечь, при этомъ великомъ проклятіи, Ты нуждаешься еще въ чистой, неоскверненной крови, то бери ее отъ женщины, бери мою кровь. Никакія сокровища міра, ни самый міръ, брошенный къ моимъ ногамъ, ни обнаженные надъ моею головою кинжалы убійць, ничто не погаситъ возгорѣвшагося въ душѣ моей чувства гражданскаго самосознанія“.

Отыскавъ свою дорогу, Олимпія де-Гужъ не могла уже не итти по ней. Послѣ того какъ она такъ рѣзко напала на Робеспьера и Марата, она издала новую брошюру подъ заглавіемъ „Trois urnes, ou le salut de la Patrie“ *), которую она весьма щедро испещрила направленными противъ нихъ колкостями и рѣзкостями, и съ такимъ насмѣшливымъ остроуміемъ, на которое была только способна.

Въ этой брошюрѣ она выставяла на судъ народный слѣдующія три формы правленія: „нераздѣльное республиканское, федеративное (союзное) или монархическое“. Возбужденіе такихъ вопросовъ, одинаково легко и вѣрно, могло повлечь за собою примѣненіе первой статьи закона 29 марта, въ которой говорится: „Всякій, кто будетъ уличенъ въ изданіи сочиненія, возбуждающаго къ распущенію національнаго собранія и къ возстановленію королевской власти, или въ содѣйствіи къ печатанію такихъ сочиненій, а равно и ко всякому иному посягательству на народное управленіе, привлекается къ революціонному трибуналу и подлежить смертной казни“.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ томилась она въ одиночномъ заключеніи. 22 іюля ее допрашивали вторично, 6 августа ее доставили въ революціонный трибуналъ для секретнаго допроса судьей Ардуэномъ. Послѣ этого ее снова отвели въ военную тюрьму Аббатства. Она объявила себя больной и лишеной здѣсь всякаго ухода, вслѣдствіе чего ее перевели въ тюрьму „Petite Force“. Еще въ тюрьмѣ Аббатства она ухудшила положеніе своего судебного дѣла, продиктовавъ безстрашнымъ и рѣзкимъ языкомъ слѣдующее заявленіе: „Олимпія де-Гужъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. — Робеспьеръ всегда мнѣ казался бездарнымъ и бездушнымъ честолюбцемъ. Я всегда считала его способнымъ пожертво-

вать всей націей, чтобы добиться диктатуры. Я не могла выносить этого безумнаго и кровожаднаго честолюбца и преслѣдовала его такъ же, какъ преслѣдовала всѣхъ тирановъ“.

Она была поражена, когда 2 ноября ее приговорили къ смерти. Приговоръ былъ объявленъ утромъ. Адвокатъ, котораго она себѣ избрала, не явился и ей пришлось самой защищаться. Эту тяжелую задачу она исполнила съ искусствомъ и замѣчательнымъ мужествомъ. Но, развѣ это помогло! Брошюра „Les trois urnes“ и написанное ею въ тюрьмѣ Аббатства заявленіе стоили ей жизни.

Послѣ объявленія приговора, она воскликнула:

— Моимъ врагамъ не придется испытать удовольствія пролить мою кровь! Я беременна и подарю республикѣ гражданина или гражданку.

Вслѣдствіе естественнаго, тяжелаго потрясенія, отъ чего не избавлены даже и самые отчаянные храбрецы, она ослабѣла и заплакала. Она вдругъ какъ-то превратилась въ немощную, дрожащую бабу, почувствовавшую страхъ передъ близостью смерти. Ей сказали, что казнь беременныхъ женщинъ отсрочивается. Она была изслѣдована врачами и повивальными бабками, но они проявили столько жестокости, что записали въ протоколъ слѣдующее: „Если бъ она дѣйствительно и была беременна, то это могло случиться такъ недавно, что такого обстоятельства нѣтъ возможности даже установить“.

Передъ своей смертью ей пришлось перенести еще одно ужасное огорченіе. Ея сынъ отвернулся отъ нея съ презрѣніемъ, отрекся отъ нея и казнь своей матери назвалъ вполнѣ заслуженной. Тотъ сынъ, котораго она такъ любила, счастье котораго было воплощеніемъ ея счастья, какъ она говорила въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Единственное мое счастье на землѣ это счастье моего сына“!

*) „Три урны или привѣтъ отечества“.

При видѣ эшафота, къ ней вернулись вся сила ея души и ея мужество. Ступая твердыми шагами по ступенямъ, она воскликнула:

— Сыны отечества, отмстите за мою смерть и сохраните память обо мнѣ!

— Да здравствуетъ республика!—орала толпа.

Единственное равенство, дѣйствительно твердо установленное революціей, было равенство передъ эшафотомъ!

Олимпія де-Гужъ, безспорно, была одною изъ способнѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ женщинъ, родившихся во Франціи. Ея жизнь, несомнѣнно, представляетъ интересный матеріалъ для изученія столь богатой событіями эпохи французской революціи, наравнѣ съ другими выдающимися личностями.

Она была непостоянна, но всегда мужественна, благородна, иногда возвышенна. Ею руководила скорѣе голова, нежели сердце. Безъ образованія, безъ твердыхъ убѣжденій, ей труднѣе было, нежели другимъ выдающимся женщинамъ ея времени, правильно угадывать обстоятельства и приспособляться къ нимъ.

Весьма вѣроятно, что она достигла бы большаго, если бы природа одарила ее болѣе спокойною душою. Возможно, что ея дарованія пріобрѣли бы лучшую оцѣнку и она сполна воспользовалась бы тѣмъ почетомъ, котораго заслуживала!

Эта мученица погибла въ неравной борьбѣ за священные права женщины.
